

Annals of the
American Republics

Annotation

Новелла «Господин Пижоно» возвращает нас к «Преступлению Сильвестра Бонара». Здесь тот же скепсис в оценке исторической науки, которая, если судить по новелле, накапливает факты, но ничего не объясняет в жизни; то же любовно ироническое отношение к ученому-гуманисту, отгородившемуся своими книгами от современности. Египтолог Пижоно — родной брат чудаковатого академика Бонара. С первых же строк автор высмеивает его научные труды, вроде «Заметок о ручке египетского зеркала, находящегося в Лувре», и с веселой иронией показывает, что вся мертвым грузом лежащая премудрость старого ученого годится лишь на то, чтобы придумать маскарадный костюм для великосветской барышни. Как Сильвестр Бонар пожертвовал своей библиотекой ради счастья юной Жанны Александр, а ученый Богус («Книга моего друга») отдал труд целой жизни для гербария своей племяннице, так и Пижоно призывает всю свою эрудицию, чтобы сочинить забавную сказку для Анни Морган. Во всех трех случаях мертвая наука пасует перед живой жизнью.

Мотив гипноза, внушения тоже звучит в новелле иронически; когда г-н Пижоно признается: «Непреодолимая сила влекла меня к мисс Морган», читатель начинает подозревать, что, может быть, в этом виноваты не столько «поразительный экспериментатор» доктор Дауд и мистическая египетская кошечка Пору, сколько чары молодости и красоты, которые действуют сильнее всякого гипноза.

- [Господин Пижоно](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Господин Пижоно

Посвящается Жильберу Огюстену-Тьерри^[1]

Как известно, я всю свою жизнь посвятил египетской археологии. Вот уже сорок лет я с честью следую по избранному мною в юности пути, и сетовать на это было бы с моей стороны черной неблагодарностью по отношению к родине, науке, да и к самому себе. Мои труды не пропали даром. Не хвастая, могу сказать, что мои «Заметки о ручке египетского зеркала, находящегося в Луврском музее» не устарели и по сей день, хотя и относятся к началу моего научного поприща. Что же касается моего более позднего и довольно объемистого труда, посвященного одной из бронзовых гирь, найденных в 1851 году при раскопках Серапея^[2], то было бы непростительно относиться к нему без должного уважения, ибо эта работа открыла мне двери Института^[3].

Поощренный лестными отзывами моих новых коллег об этой работе, я одно время стал даже подумывать о том, чтобы создать обзор всех мер и весов, применявшихся в Александрии в царствование Птолемея Авлета (80–52 гг. до н. э.). Вскоре, однако, я вынужден был признать, что тема столь общего характера выходит за рамки подлинно научного исследования, так как, работая над ней, серьезный ученый на каждом шагу рискует впасть во всякого рода необоснованные суждения. Я понял, что попытка рассмотреть одновременно несколько различных предметов неизбежно приводит к нарушению основных принципов археологии. И если я каюсь сейчас в своем заблуждении, если признаюсь в этом непостижимом стремлении охватить необъятное, то лишь в назидание молодым людям, дабы на моем примере они учились обуздывать свое воображение. Оно — злейший наш враг. Ученый, не сумевший победить этого врага, навеки утрачен для науки. Я до сих пор содрогаюсь при мысли о том, куда мог завести меня мой дерзкий ум. Я был всего на волосок от того, что именуется историей; какое падение! Я чуть не снизошел до искусства! Ведь история — не что иное, как искусство или, в лучшем случае, лженаука. Кто в наши дни не знает, что историки были предшественниками археологов, точно так же, как астрологи были предшественниками астрономов, алхимики — предшественниками химиков, а обезьяны — предшественниками человека? Слава богу, я отделался только страхом!

Спешу сообщить, что третий мой труд был проникнут мудрой умеренностью. Он озаглавлен «К вопросу об одежде знатной египтянки в эпоху Среднего царства по неопубликованному рисунку». Я излагал предмет, не уклоняясь в сторону. Я не высказал ни одной обобщающей мысли. Я избегал всяких суждений, сравнений, аналогий и выводов, коими иные из моих коллег портят доклады о своих самых замечательных находках. И почему, спрашивается, именно этот столь здравый мой труд постигла такая необычайная судьба? В силу какой игры случая стал он причиной самых чудовищных заблуждений? Но не будем упреждать события. Мой доклад был представлен к чтению на публичном заседании всех пяти Академий. Честь тем более высокая, что она редко выпадает на долю подобного рода сочинений. За последние годы такие научные заседания охотно посещают представители светского общества.

В день моего выступления зал Института был переполнен избранной публикой. Было много женщин. На трибунах виднелись изящные туалеты и красивые лица. Меня слушали внимательно. Доклад мой не прерывался бурными и необдуманно проявленными чувствами, которыми сопровождаются обычно литературные чтения. Напротив, публика держала себя в полном соответствии с характером предлагаемого ее вниманию предмета: сдержанно и с достоинством. Дабы лучше выделить излагаемые мысли, я делал время от времени паузы между фразами, и это давало мне возможность внимательно следить поверх очков за аудиторией. И поверьте, я не поймал ни одной легкомысленной улыбки. Наоборот! Даже самые свежие юношеские лица хранили суровое выражение. Казалось, будто под действием чар моего доклада все умы вдруг созрели. Во время чтения кое-кто из молодых людей что-то тихонько нашептывал на ухо своей соседке. По всей вероятности, они обсуждали какие-нибудь специальные вопросы, затронутые в моем докладе.

Более того! Одна прелестная молодая особа, лет двадцати двух — двадцати четырех, сидевшая в левом углу северной трибуны, старательно записывала мой доклад. Лицо ее отличалось тонкостью черт и замечательной выразительностью. А внимание, с которым она прислушивалась к моим словам, придавало еще больше очарования ее необычному лицу. Она была не одна. Рядом с ней сидел высокий плотный мужчина, с длинной и курчавой, как у ассирийских царей, бородой и длинными черными волосами, и время от времени что-то тихо ей говорил. Мое внимание, вначале обращенное на всю аудиторию, мало-помалу сосредоточилось на этой женщине. Должен сознаться, она внушала мне интерес, который многие из моих коллег сочли бы, вероятно, недостойным

такого ученого, как я. Но, уверяю вас, если бы они оказались тогда на моем месте, они также не остались бы равнодушны. По мере того как я говорил, незнакомка делала заметки в записной книжечке. Причем на лице ее сменялись самые различные чувства: то радость, то изумление и даже беспокойство. Ах, если бы в тот злополучный вечер я смотрел в аудитории только на нее!

Я уже заканчивал, мне оставалось прочесть всего каких-нибудь двадцать пять — тридцать страниц, но тут мои глаза вдруг повстречались с глазами бородатого человека. Как передать, что произошло тогда, если я и сам не понимаю? Могу лишь сказать, что взор этого человека мгновенно поверг меня в непостижимое волнение. Его зеленоватые глаза смотрели на меня в упор. Я не мог отвести свой взгляд. Я замер на полужае, подняв голову. Так как я замолчал, публика начала аплодировать. Когда вновь водворилась тишина, я хотел продолжать чтение, но, несмотря на все мои старания, не мог отвести взгляда от двух живых зеленых огней, к которым приковала его таинственная сила. Мало того. По какой-то еще менее понятной причине я вдруг пустился вопреки всем своим привычкам в импровизацию. Видит бог, я вовсе этого не хотел! Под влиянием посторонней, неведомой мне, непреодолимой силы я принялся пылко и красноречиво излагать свои философские взгляды относительно женской одежды на протяжении веков. Я обобщал, поэтизировал и — да простит мне бог! — разглагольствовал о вечно женственном, о желании, овевающем ароматные покровы, которыми женщина так искусно умеет оттенить свою красоту.

Человек с ассирийской бородой не спускал с меня глаз. А я все говорил. Но вот он опустил глаза, и я сразу же умолк. Больно сказать, но эта часть доклада, столь же чуждая моему личному настроению, как и духу подлинной науки, вызвала бурные аплодисменты. Молодая особа на северной трибуне неистово хлопала и улыбалась.

Потом мое место на кафедре занял один из членов Французской академии, видимо очень недовольный тем, что ему пришлось выступить после меня. Опасения его оказались, однако, несколько преувеличенными. Публика довольно терпеливо выслушала прочитанное им произведение. Если не ошибаюсь, оно было в стихах.

Когда заседание окончилось, я покинул аудиторию в сопровождении кое-кого из своих коллег; они возобновили поздравления, в искренность которых мне хочется верить.

Мы остановились на набережной около львов Крезе, чтобы обменяться прощальными рукопожатиями, и тут я снова увидел человека с

ассирийской бородой и его очаровательную спутницу. Они садились в двухместную карету. Возле меня случайно оказался один из наших философов, человек весьма красноречивый и, как говорят, столь же сведущий в вопросах светского обращения, сколь и в космических теориях. Молодая особа высунула из окна кареты свою прелестную головку и, назвав его по имени, протянула ему ручку, произнеся с легким английским акцентом:

— Вы совсем меня забыли, дорогой мой! Нехорошо!

Дождавшись, когда отъедет карета, я спросил у своего почтенного коллеги: кто такие эта очаровательная дама и ее спутник?

— Как! Вы не знаете мисс Морган и ее врача Дауда, который лечит от всех недугов магнетизмом, гипнозом и внушением! — воскликнул он. — Анни Морган — дочь крупнейшего чикагского негодяя. Она вместе с матерью приехала два года тому назад в Париж и выстроила себе роскошный особняк на авеню Императрицы. Мисс Морган на редкость умная и весьма образованная особа.

— Охотно верю, — ответил я, — я уже имел возможность убедиться в серьезности этой американки.

Пожимая мне на прощанье руку, мой ученый собрат улыбнулся.

Я дошел пешком до улицы св. Иакова, где вот уже тридцать лет снимаю скромную квартирку, из окон которой видны верхушки деревьев Люксембургского сада, и уселся за письменный стол.

Я просидел за ним целых три дня, любясь статуэткой богини Пахт с кошачьей головой. На этом небольшом памятнике имеется надпись, которая г-ном Гребом расшифрована неправильно. Я написал о ней интересный доклад с комментариями. Встреча в Институте произвела на меня меньшее впечатление, чем можно было бы ожидать. Она не смутила моего покоя. Сказать по правде, я просто-напросто забыл о ней, и, чтобы оживить мое воспоминание, понадобились особые обстоятельства.

Итак, за эти три дня я спокойно закончил свой доклад и комментарии. Я отрывался от работы лишь затем, чтобы пробежать газеты, изобилующие похвалами по моему адресу. Даже совершенно чуждые миру науки листки восторженно отзывались об «очаровательном фрагменте», которым заканчивался мой доклад. «Это подлинное откровение, — говорилось там. — Господин Пижано порадовал нас самым неожиданным образом». Не знаю, зачем я упоминаю об этих пустяках, ведь обычно я совершенно равнодушен к тому, что говорят обо мне в печати.

И вот когда я уже третий день сидел у себя в кабинете за письменным столом, вдруг раздался звонок. В звуке колокольчика было что-то такое

властное, своенравное и незнакомое, что, услышав его, я вздрогнул и, вскочив в тревоге, пошел сам открыть дверь. И, как вы думаете, кого я увидел на лестнице? Ту самую американку, которая с таким вниманием слушала мой доклад, мисс Морган собственной персоной.

— Господин Пижоно?

— Чем могу служить?

— Я сразу же вас узнала, хотя вы уже не в парадном сюртуке с академическими пальмами. Нет, нет! Ради бога, не вздумайте переодеваться ради меня! В халате вы нравитесь мне еще больше.

Я пригласил ее в кабинет.

Она с любопытством оглядела папирусы, изображения, выдавленные на металле, и всевозможные рисунки, которыми у меня увешаны все стены до самого потолка; затем молча посмотрела на богиню Пахт и сказала:

— Какая прелесть!

— Вы имеете в виду этот небольшой памятник, сударыня? Действительно, он представляет довольно любопытный образец эпиграфики. Но разрешите узнать, чем я обязан чести видеть вас у себя?

— Что мне за дело до всяких ваших эпиграфических образчиков, — возразила мисс Морган. — Просто у нее очаровательная мордашка. Вы, конечно, не сомневаетесь, господин Пижоно, что это настоящая богиня?

Я попытался отклонить столь оскорбительное подозрение:

— Верить в подобные вещи было бы фетишизмом.

Она удивленно вскинула на меня свои огромные зеленые глаза:

— Так вы не фетишист! Вот не думала, что можно быть археологом и не быть фетишистом. Почему же тогда вас интересует эта Пахт, если вы не верите, что она богиня? А впрочем, оставим это. Я приехала к вам по очень, очень важному делу, господин Пижоно.

— По важному делу?

— Да, да! По поводу костюма. Вот, взгляните на меня.

— С удовольствием.

— Вы не находите, что в моем профиле есть что-то кушитское?^[4] Я не знал, что сказать. Подобные разговоры были мне непривычны. Она продолжала:

— О! Тут нет ничего удивительного! Я отлично помню, что была египтянкой. А вы, господин Пижоно, были египтянином? Не помните? Странно. Во всяком случае, вы не можете отрицать, что мы проходим через ряд последовательных перевоплощений?

— Ничего не могу сказать вам, сударыня.

— Вы удивляете меня, господин Пижоно!

— Однако, мисс Морган, я так и не знаю, чем обязан...

— Ах, да! Ведь я еще не сказала, что приехала к вам с просьбой помочь мне смастерить египетский костюм для маскарада у графини N. Я хочу, чтобы костюм был безукоризненно выдержанный и ошеломляюще красивый. Я уже давно работаю над ним, господин Пижоно! Я призвала на помощь собственные воспоминания, — ведь я же прекрасно помню, что шесть тысяч лет тому назад жила в Фивах. Я выписала рисунки из Лондона, Булака, Нью-Йорка.

— Вот это верней.

— Нет, нет! Не говорите! Самое верное — интуиция. Я внимательно осмотрела египетский отдел Луврского музея. Сколько там всякой прелести! Какое изящество и чистота форм! Какие строгие тонкие профили! Женщины — похожие на цветы, словно окоченевшие в неподвижности и вместе с тем гибкие. А бог Бэс, похожий на Сарсэ!^[5] Господи! Как это все прекрасно!

— Но, сударыня, я все еще не знаю...

— Мало того! Я была на вашем докладе об одежде египтянки Среднего царства и кое-что записала. Правда, доклад был трудноват. Пришлось мне над ним поработать. На основании всех этих материалов я придумала костюм. Но я все еще не довольна им. Вот я и приехала просить вас: посмотрите и дайте совет. Дорогой господин Пижоно! Приходите завтра! Сделайте это из любви к Египту! Итак, решено. До завтра! А теперь бегу. Меня ждет в карете мама.

С этими словами мисс Морган выпорхнула из комнаты. Я пошел было проводить ее, но, когда я был в передней, она уже сбежала с лестницы и снизу до меня донесся ее звонкий голос:

— До завтра! Авеню Булонского леса, возле виллы «Саид»^[6].

«Ни за что не пойду к этой сумасшедшей», — решил я.

На следующий день, в четыре часа, я звонил у подъезда ее особняка. Лакей ввел меня в огромный застекленный зал, где в беспорядке были нагромождены картины, мраморные и бронзовые статуи, портшезы, расписанные Мартином, с богатыми фарфоровыми украшениями; перуанские мумии, двенадцать фигур всадников в боевых доспехах; особенно выделялись своими размерами польский всадник с белыми крыльями за спиной и одетый для турнира французский рыцарь, шлем которого украшала раскрашенная женская головка в старинном головном уборе с вуалью. В зале росла целая роща пальмовых деревьев в кадках, а среди них восседал огромный золотой Будда. У его ног какая-то нищенски

одетая женщина читала библию. Не успел я прийти в себя от всех этих чудес, как приподнялась пурпурная портьера и предо мной предстала мисс Морган в белом пеньюаре с отделкой из лебяжьего пуха. Она приблизилась ко мне. За ней шли два огромных датских дога с длинными мордами.

— Я была уверена, что вы придете, господин Пижоно.

— Как можно послушаться приказания такой прелестной дамы? — любезно пробормотал я.

— О! Меня слушают вовсе не потому, что я красива! Просто я знаю секрет, как подчинять людей своей воле.

Потом, указав на старуху с библией, она добавила:

— Это мама; не обращайтесь на нее внимания. Я вас не представляю. Если вы с ней заговорите, она все равно не ответит: она принадлежит к религиозной секте, воспрещающей пустословие. Эта секта — последний крик моды. Ее приверженцы одеваются в мешковину и едят из деревянных мисок. Маме все это очень нравится. Но вы сами понимаете, что я пригласила вас не затем, чтобы рассказывать о маме. Сейчас я переоденусь в египетский костюм. Я быстро. А пока полюбуйтесь безделушками.

И она усадила меня возле шкафа, в котором находились саркофаг мумии, несколько статуэток эпохи Среднего царства, скарабеи^[7] и куски папируса с описанием великолепного погребального обряда.

Оставшись один, я принялся рассматривать папирус с тем большим интересом, что обнаружил на нем подпись, которую уже читал на одной печати: имя писца, принадлежащего королю Сети Первому. Я сейчас же принялся отмечать любопытные подробности этого документа, Сам не знаю, сколько я просидел, погруженный в это занятие, как вдруг инстинктивно почувствовал, что у меня за спиной кто-то стоит. Обернувшись, я увидел дивное создание, с золотым ястребом на голове, в белом узком чехле, облегающем целомудренные и прекрасные линии юного тела. Поверх чехла ниспадала легкая розовая туника, схваченная в талии поясом из драгоценных камней и симметричными складками расходящаяся книзу. Руки и ноги были обнажены и отягчены браслетами.

Она встала прямо напротив меня, повернув голову к правому плечу, в традиционной жреческой позе, что придавало ее чарующей красоте что-то божественное.

— Как! Неужели это вы, мисс Морган! — воскликнул я.

— Очевидно, если только не сама Неферу Ра собственной персоной. Помните Неферу Ра у Леконта де Лиля^[8] в его «Красоте солнца»?

В покровы легкие окутана, бледна,

На ложе девственном покоится она.

Впрочем, что я говорю! Откуда вам знать. Вы же не читаете стихов. А все-таки это красиво. Ну, теперь за дело!

Поборов волнение, я сделал этой очаровательной особе несколько замечаний относительно ее чудесного костюма. Я осмелился не согласиться с кое-какими деталями, грешащими против археологической точности. Предложил заменить некоторые из камней в перстнях другими, более принятыми в эпоху Среднего царства. Наконец самым решительным образом восстал против аграфа из перегородчатой эмали. Это украшение действительно представляло собой чудовищный анахронизм. Мы решили заменить его пластинкой из драгоценных камней в тонкой золотой оправе. Мисс Морган выслушала меня чрезвычайно внимательно, даже пригласила остаться обедать; казалось, я очень ей нравлюсь, но я сослался на строгий режим и диету и откланялся.

Когда я был уже в прихожей, она крикнула мне вслед:

— Ну как, шикарный костюм? На балу у графини N. все дамы лопнут от зависти! Не правда ли?

Меня покорило от этих слов, но, оглянувшись и увидев ее, я вновь подпал под ее чары.

— Господин Пижоно! — еще раз окликнула она. — Вы такой милый. Сочините для меня сказочку, и я буду вас любить крепко-крепко!

— Я не умею сочинять сказки, — ответил я.

Она пожалала своими прекрасными плечами и воскликнула:

— А разве не для того и наука, чтобы сочинять сказки? Нет, господин Пижоно, сказку вы мне все-таки напишете.

Я не счел нужным повторять свой решительный отказ и молча вышел.

В дверях мне повстречался человек с ассирийской бородой, странный взгляд которого так поразил меня во время доклада. Доктор Дауд еще тогда произвел на меня впечатление человека в высшей степени надменного, и встреча с ним была мне тягостна.

Недели через две после моего визита состоялся бал у графини N. Я ничуть не удивился, прочтя в газетах, что прекрасная мисс Морган в костюме Неферу Ра произвела настоящую сенсацию.

С тех пор я не слышал о ней до самого конца 1886 года. Но в первый же день нового года, когда я работал у себя в кабинете, лакей подал мне письмо и небольшую корзинку.

— От мисс Морган, — сказал он и вышел.

Из корзинки, поставленной на стол, раздалось мяуканье. Я открыл ее, и оттуда выскочила серая кошечка.

Она была не ангорской, а какой-то другой восточной породы, более грациозная, чем наши кошки, и, насколько я мог судить, очень похожая на своих фиванских предков, мумии которых, запеленутые в полосы грубой ткани, находят в огромном количестве при раскопках этого города. Кошечка отряхнулась, огляделась вокруг, выгнула горбом спину, зевнула и мурлыча стала тереться о богиню Пахт, изящная фигурка которой с хорошенькой мордочкой красовалась у меня на столе. Несмотря на темную и короткую шерсть, котенок был очень милостив. Он казался смысленным и совсем не дичился. Я терялся в догадках, чтобы мог означать столь странный подарок. Ничуть не яснее стало мне это и тогда, когда я прочел письмо мисс Морган. Она писала:

«Многоуважаемый господин Пижоно! Посылаю вам привезенную доктором Даудом из Египта кошечку, которую я очень люблю. Если хотите сделать мне приятное, будьте с ней поласковой. Бодлер, величайший французский поэт после Стефана Малларме^[9], сказал:

Отшельник-книгочий, былой поклонник дам
На склоне лет, в людей уже не веря,
Заводят кошку, ласкового зверя
И нелюдимого, подобно господам^[10].

Думаю, нет никакой необходимости напоминать вам, что вы должны сочинить для меня сказку. Вы принесете ее на крещение. Пообедаем вместе.

Анни Морган.

P. S. — Кошечку звать Пору».

Прочтя письмо, я взглянул на Пору, которая, стоя на задних лапках, лизала черную мордочку Пахт, своей божественной сестры. Кошечка тоже посмотрела на меня. И должен сознаться, что из нас двоих более удивленной казалась отнюдь не она.

«Что все это значит?» — недоумевал я.

Очень скоро, однако, я отказался от мысли что-либо понять. «Нечего сказать, хорош, доискиваюсь смысла в капризах молодой сумасбродки, — решил я. — Примусь-ка лучше за работу. Ну, а этого зверька я поручу заботам госпожи Маглуар (моей экономки)». И я снова принялся за прерванную работу по хронологии, которая особенно занимала меня, так как в ней я немного поддеваю своего знаменитого ученого собрата г-на Масперо. Пору не покидала письменного стола. Сидя напротив меня и наострив ушки, она следила за моим пером. И — странное дело — за весь этот день я не написал ничего заслуживающего внимания. Мысли мои путались, в голову лезли обрывки песен и детских сказок. Спать я лег очень недовольный собой. На следующее утро, когда я вошел в кабинет, кошечка уже сидела на письменном столе и умывалась. И в этот день также работалось скверно. Мы с Пору занимались больше тем, что разглядывали друг друга. Не лучше обстояли дела и на третий и на четвертый день — словом, так прошла вся неделя. Казалось бы, подобная праздность должна была бы огорчать меня, но, говоря откровенно, я все больше и больше с ней свыкался, она даже начинала мне нравиться. Поистине ужасна быстрота, с которой порядочный человек поддается разврату. А в день крещения я проснулся в радостном настроении и подбежал к столу, где меня, как обычно, поджидала Пору. Достав тетрадь из лучшей белой бумаги, я обмакнул перо и под пристальным взглядом своего нового друга вывел крупными буквами: «Злоключения кривого носильщика». После чего, то и дело взглядывая на Пору, с удивительной быстротой принялся писать и писал целый день рассказ о приключениях таких чудесных, смешных и разнообразных, что под конец сам ими увлекся. Мой носильщик потешным образом перепутывал ноши и то и дело попадал впросак. Сам того не ведая, он приходил на помощь оказавшимся в затруднении влюбленным; переносил шкафы, в которые спрятались люди. А те, попав в чужой дом, повергали в ужас старых дам. Да разве перескажешь такую забавную историю! Сколько раз, работая над нею, я громко хохотал. Пору не смеялась, правда, но ее серьезность была потешнее самых веселых гримас. Последнюю строчку этой приятной работы я закончил в семь часов вечера. Уже с час, как комната освещалась только фосфорически блестящими глазами Пору. Но и в сумерках я писал так же легко, как при свете яркой лампы. Закончив рассказ, я надел фрак и белый галстук, простился с Пору и, сбегав с лестницы, выскочил на улицу. Не сделал я и десяти шагов, как почувствовал, что кто-то потянул меня за рукав.

— Куда вы так мчитесь, дядюшка, словно одержимый?

Это был мой племянник Марсель, порядочный и умный студент-

медик, работающий в больнице Сальпетриер. Говорят, что из него выйдет хороший врач. И, пожалуй, его действительно можно было бы считать здравомыслящим человеком, если бы он поменьше доверял своему чересчур капризному воображению.

— Да вот спешу отнести мисс Морган свою сказку, — ответил я.

— Как, дядюшка! Вы пишете сказки и знакомы с мисс Морган? Обворожительная женщина, не правда ли? А доктора Дауда, который всюду ее сопровождает, вы тоже знаете?

— Лекарь! Шарлатан!

— Верно, верно, дядюшка, но поразительный экспериментатор. Ни Бернгейму, ни Льежуа, ни даже самому Шарко не удалось добиться таких явлений в области внушения^[11], каких добивается он, когда ему вздумается. Он гипнотизирует и внушает без прикосновения, без непосредственного воздействия, через животных. Обычно для опытов ему служат короткошерстные котята. Вот как он этого достигает: он внушает котенку желаемое действие и отправляет его в корзинке тому, на кого хочет воздействовать. Внушение передается от животного объекту внушения, и тот приводит в исполнение то, что приказано экспериментатором.

— В самом деле, племянник?

— В самом деле, дядюшка.

— А какую же роль играет в этих замечательных экспериментах мисс Морган?

— Мисс Морган, дядюшка, пожинает плоды трудов господина Дауда и пользуется гипнозом и внушением для того, чтобы кружить головы мужчинам, будто для этого мало одной ее красоты.

Но я уже не слушал. Непреодолимая сила влекла меня к мисс Морган.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

СНОСКИ

Огюстен-Тьерри Жильбер (1843–1915) — французский писатель, автор многочисленных романов на исторические темы, в которых часто действуют сверхъестественные силы. А. Франс писал о нем в серии «Литературная жизнь».

...при раскопках Серапея... — Серапей, или Серапеум — храм Сераписа, главного божества эллинистического Египта в Александрии.

...эта работа открыла мне двери Института. — Институт — объединение пяти Академий.

...в моем профиле есть что-то кушитское. — Кушиты — восточно-африканские племена, которые наука одно время причисляла к древнейшему населению Вавилонии и Финикии.

А бог Бэс, похожий на Сарсэ! — Сарсэ Франциск (1827–1899) — французский литературный и театральный критик, очень популярный в 80-е годы XIX в.

Авеню Булонского леса возле виллы «Саид». — Вилла «Саид» —
вилла Анатоля Франса.

Скарабеи — изображения жуков, считавшихся священными в древнем Египте.

Помните Неферу Ра у Леконта де Лиля? — Леконт де Лиль Шарль (1818–1894) — французский поэт, глава литературной группы парнасцев, к которым А. Франс был близок в начале своего творчества.

Бодлер, величайший французский поэт после Стефана Малларме... — Шарль Бодлер (1821–1867) — выдающийся французский поэт, предшественник декадентов-символистов, к числу которых принадлежал Стефан Малларме (1842–1898). Анни Морган дает ему столь высокую оценку, следуя литературной моде. В новелле А. Франса приведена цитата из стихотворения Бодлера «Кошки».

Перевод Д. С. Самойлова.

Ни Бернгейму, ни Льежуа, ни даже самому Жарко не удалось добиться таких явлений в области внушения... — Бернгейм Ипполит (1837–1919) — французский ученый-медик, занимавшийся исследованиями в области гипноза. Льежуа Жюль (1833–1908) — французский ученый-юрист, изучавший гипноз в связи с вопросом о юридической ответственности человека. Шарко Жан-Мартен (1825–1893) — один из виднейших представителей французской медицинской науки XIX в., автор учения о нервных болезнях, в особенности об истерии как психическом заболевании.